

Учиха Мадара с детства любил своего младшего брата. С самого рождения Изуны. Даже самые злые языки, обсуждающие личность предводителя одного из двух сильнейших кланов, сходились во мнении, что силу и власть Мадара любит чуть меньше, чем родича. В чем секрет такой любви, никто не знал. Она просто была и все.

Так что смерть Изуны сильно поменяла сильнейшего Учиху...

Он даже согласился на союз с Хаширамой, чтоб ему вечно ходить хмурым, как его братцу-альбиносу. Вот уж кого стоило бы прикончить. Но беловолосый оказался сильнее дорогого Изуны. И тот проиграл...

Может быть, поэтому Мадара решил прекратить войну? В память о брате, отдавшем на ней жизнь? Учиха не обманывался — они с братом были воинами. Не убийцами, какими их считали многие, а воинами. Им нравилось танцевать с врагами и побеждать их. Им не было равных в клане, и мало кто мог что-либо противопоставить им вне его. Сендзу тоже оказались прекрасными танцорами...

После смерти брата и принятия того факта, что они больше никогда не увидятся, Мадара сильно сдал. Он разговаривал со всеми о нем, часто плакал и вспоминал улыбку Изуны. Младший был веселой личностью, не боящейся подкалывать и щелкать по лбу главного «задаваку» мира шиноби. Да что там — он даже с Тобирамой веселился от души, приклеивая к его спине в бою записки со словами «пни меня» (когда мог себе такое позволить, естественно). Убивать алоглазого Сендзу младший глава Учих не хотел.

— Он прекрасный партнер для танцев, будет жаль закончить наше общение, — пожимал Изуна плечами каждый раз, когда старший брат требовал смерти Тобирамы. — Разве не поэтому Хаширама еще жив?

И каждый раз Мадаре нечего было ответить.

Хаширама был сильнее, но не настолько, чтобы его нельзя было убить, пока он пытается тебя несмертельно ранить. Пожалуй, великий Учиха давно мог бы остаться единственным Богом Шиноби. Да даже сейчас он мгновенно может вспомнить с десятков случаев, когда мог прикончить вечно улыбающегося придурка!

Но он не прикончил, а Изуна умер...

После того, как Мадара задолбал всех знакомых брата (некоторых из которых даже не знал) разговорами о нем, пришла вторая стадия скорби, а именно — месть. Отомстить клану Сендзу за родича с новыми улучшенными глазами казалось лучшей идеей, да еще и такой легкой в исполнении! На ней и сосредоточился молодой глава Учиха.

Итог — поражение и даже прощение Тобирамы. Как так вышло, Мадара не знал, но был уверен в том, что тут замешана дебильная улыбка Хаширамы.

Второй Бог Шиноби был Учихе сродни брату...

Потом перемирие и начавшаяся стройка нового селения. Деревня Скрытого Листа. Звучит!

И во время одной из прогулок с Хаширамой по строящимся улицам, Мадара наткнулся на него...

— Я Сенсома из клана Томура, — твердо ответил мальчик на вопрос Сендзу, смотря при этом

на Учиху.

Сомнений не было — это он. Тот самый малец, который в два года смог атаковать Изуна! Конечно, что тогда, что сейчас — у него ничего бы не вышло против младшего главы клана, но сам факт! Да и брат тогда сказал, что очень хотел бы получить мальчишку себе. Даже когда того признали совершенной посредственностью, а появление чакры объяснили случайностью и аномалией.

Но Изуна останавливаться не хотел...

— Мы не будем приводить в селение сирот врагов, да еще и таких бесталанных! — возмущался Мадара. — Он просто мусор! Выбрось его из головы!

— Он — превосходный танцор, — не соглашался младший, как обычно, витая где-то в облаках.

— Его прыжок, его замах... Я бы хотел посмотреть, что из него выйдет годам к четырнадцати.

— Слабосилок, — припечатал старший. — Редкостный неумеха, даже на фоне своих родителей оказавшийся слабаком.

— В два года он оказал такое же сопротивление, что и они.

— Случайность и аномалия.

— Факт!

Спорящие братья сверлили друг друга взглядами. Мадара не понимал интереса Изуны и не собирался идти на уступки его капризам. Мальчишка — бред, он не нужен, но и помешать в клане не может, а вот Изуна... Ребенок мог стать его слабостью, и это Мадара знал точно.

— Хорошо, — внезапно легко отступил младший. — Тогда буду подсылать к нему других клановых. Глядишь, кто и заберет.

— Да на кой он тебе нужен?! — взорвался глава клана, бесясь от того, что не понимает открытого для всех родственника.

— Он просто очень хороший танцор, — улыбнулся Изуна, выходя из комнаты. — Я видел это в его глазах.

И сейчас, спустя почти пять лет, смотря в глаза выросшему Томуре, Мадара признавал правоту брата. Малец узнал его! Ему тогда было всего два года, не больше! Он даже говорить толком не умел! Но он помнил его, и, судя по холоду в юных глазах, помнил как врага.

— Вы знакомы? — мгновенно сориентировался Хаширама.

— Довольно мало, — ответил первым Сенсома. — Мадара-сама имел честь убить моих родителей. Отец был шиноби, пусть и не сильным, а мать...

Сендзу нахмурился и осуждающе зыркнул на Учиху, а тот, в свою очередь, открыл рот, стараясь вздохнуть.

Не может быть! Он! Этот мелкий! Даже интонации точь в точь!

— Но я сожалею о смерти вашего брата, Мадара-сама, — малец поправил свои очки. — Верю — он был хорошим человеком и куда лучшим шиноби.

— Аха, — Хаширама прикрыл глаза и почесал в затылке, лихорадочно соображая, куда ему деться. — Пожалуй я пойду... Да-а-а... Дела! У меня дела!

Мокутонщик смылся, оставив пораженного Учиху с этим мелким бедствием, ни капли не робеющим ни от беспорядочно выделяемой чакры, давящей всех в радиусе двадцати метров, ни от того факта, что перед ним один из Богов Шиноби, ни от своих собственных резких слов...

— Ладно, — шаркнул ножкой Томура, глядя вслед удирающему Сенджу. — Я тоже пойду... Найду себе соперника...

Мальчик говорил о шахматах, конечно, ибо для драк соперники всегда находили его сами. За четыре дня, что Сенсома провел в зарождающейся Конохе, он успел сцепиться с пацанами из разных кланов уже девять раз. Клановые — не чета обычным, так что семь раз он был бит, а остальные два выиграл, что говорить «на тоненького». Впрочем — одногодок-то среди них не было.

Но Мадара, услышав о сопернике, вновь вернулся в мыслях к тому разговору с Изуной:

— Он просто очень хороший танцор.

Младший брат увидел это в нем пять лет назад? Иногда и на него снисходило прозрение.

— Стой... — хрипло позвал Учиха мальчишку, уже сделавшего четыре шага. Тот развернулся, с интересом смотря на Бога Шиноби. — Не хочешь... сходить со мной... Поговорить...

Люди, ставшие невольными свидетелями этой сценки, ходили с открытыми ртами весь оставшийся день. Мадара Учиха — Бог Шиноби и глава клана Учиха - робел перед ребенком-сиротой, родителей которого сам убил черт пойми сколько времени назад! Очевидно, что никому из рассказавших это своим друзьям не поверили.

— Почему бы и нет? — Сенсома на миг почувствовал себя евреем. Хитрым таким. — Пойдемте, Мадара-сама.

Через неделю Мадара Учиха справился со всей своей неловкостью по отношению к Сенсому. Они много разговаривали, делились мыслями и вообще очень быстро сошлись. Хашираму это немного пугало, Тобираму настораживало, а Шикогеру было пофиг. Не станет же Бог Шиноби вредить сироте? Да еще и ходя с ним с таким потерянным, поначалу, лицом.

Началось все, конечно же, с неловких извинений, по типу: «За родителей — прости. Они были не правы, когда... Впрочем, это не оправдывает убийства, но... В общем — прости.». Даже такой жест доброй воли со стороны Учихи уже воспринимался всеми окружающими как нечто удивительное. А уж реакция Сенсома, будто просто записавшего эти слова в свой внутренний блокнот и забывшего их, была просто ошеломительна.

Далее уже сам мальчик начал искать точки соприкосновения, почти перестав встречаться со своими друзьями из Ино-Шика-Чо. Он бы и не знал, как подступиться к Богу Шиноби, если бы случайно не завел разговор о его младшем брате.

И понеслась.

Конечно, по долгу службы прошлой жизни, Сенсома прекрасно знал о взаимоотношениях

братьев, их скрытой братской любви друг к другу и том, как они любят хвастаться своим близким родичем. Но то, что Мадара так сильно переживает смерть младшего, его удивило. Мир убийц же, вроде как... Хотя постойте: общая деревня, дружба с детства и перемирие между кланами... Все понятно — дети.

Из общения с Учихой учитель вынес один важный для себя факт — взрослые шиноби Сенгоку Джидай оставались детьми в душе. Что Шикогеру, что Хаширама, что Мадара. Они не могли как следует насладиться своим детством, так что оно растянулось на всю их жизнь. Идеализм, глупые мечты и серьезные душевные терзания...

На фоне остальных, Тобирама смотрелся самым взрослым человеком в мире шиноби. В обычном мире все было привычно для обывка с местными реалиями бывшего учителя, так что на него смотреть не стоило.

Наговорившись про Изуна, Сенсому удалось перевести последующие беседы в нужное ему русло, а именно — сражения.

Мадара Учиха смущался так же, как и Шикокура, рассказывая о своих подвигах на поле боя, пока Сенсома взирал на него счастливыми и восторженными глазами. Мальчику нравилось слушать про битвы. Иногда он бурчал под нос что-то типа: «Так и запишем...» и начинал вполголоса рассуждать, как бы смог выбраться из той или иной ситуации.

Главу клана красноглазых немного шокировало такое поведение ребенка, особенно тем, что его младший брат был почти таким же.

— Я видел это в его глазах.

Родственные души. Именно это определение смог подвести к реальности вспыльчивый и серьезный Мадара, несколько робеющий в присутствии этого мальчика. Вина за смерть его родителей только усиливала робость, а уж всепрощение, исходящее от Сенсомы и безразличие ко всему, не касающемуся битв, просто поражало!

Впрочем, последнее было очень близко легендарному Учихе.

— Ты, что? — подчеркнуто спокойно спросил Шикогеру, когда Мадара высказал ему свои требования в новопостроенном квартале клана Нара.

— Я хочу взять его в ученики, — сложил руки на груди Учиха. — Сенсома Томуро будет обучаться мной лично.

— И что же такого удивительного нашел глава клана Учиха в моем воспитаннике?

В комнате воцарилось молчание, такое, что главы кланов слышали, как за стенками играет ребяшня. Изредка до их ушей доходил голос Сенсомы. Мадара медлил с ответом, а Шикогеру, несколько сбитый с толку напором Бога Шиноби, ждал его ответа.

— Я нашел в нем память о моем младшем брате, — максимально честно решил ответить Учиха. — Изуна и мальчик... Они очень похожи. Именно поэтому я собираюсь взять его в ученики. К тому же, судя по всему, он будет неплохим шиноби, если его научить.

— Это немного странно, — осторожно подбирая слова, ответил глава Нара. — Я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь, но... Ты вообще знаешь о потенциале Сенсомы как шиноби?

— Что не так?

Шикогеру вздохнул и поднялся. Пройдя к своему рабочему шкафу, он выудил оттуда одну неприметную тонкую папочку и вручил Учихе:

— Читай. Возможно, после этого ты передумаешь брать его в ученики.

Мадара нетерпеливо погрузился в чтение, недоверчиво хмыкая себе под нос, явно не доверяя Нара. Однако, когда он дочитал документ, его лицо приобрело растерянное и разбитое выражение, как лицо ребенка, у которого отобрали игрушку.

— Но как же так?... — спросил он в никуда. — У Изуны же всегда было отлично с чакрой.

Шикогеру благоразумно сделал вид, что ничего не услышал. Учиха и сам понял свою оплошность, но не смутился, как при Сенсومه, а озлобился:

— Меня это не остановит. Я все еще хочу взять его в ученики.

— Ну, — глава Нара развел руками. — Если честно, то учитель из меня никакой, если не считать моих детей. Клановым техникам я Сенсому учить не могу — меня загрызут. Так что, ты сможешь его забрать, — он усмехнулся, глядя как просветлело лицо молодого главы. — Хотел бы я сказать...

Мадара чернеет лицом, а Шикогеру преспокойно стучит по деревянной стенке ровно четыре раза. Очевидно, что эти стуки слышны снаружи, так что Учиха не удивляется, когда в комнату без предупреждения заходит мальчик в очках.

— Сенсома, что скажешь? — начал Нара. — Мадара-сан предлагает мне взять тебя в ученики.

— Вы же знаете о моей проблеме? — немного удивленно спросил ребенок, из чего Учиха сделал вывод, что тот и не подозревал о его планах.

Мадара молча кивнул, хмуро осматривая дитя. Крепкое гибкое тело, неплохое лицо, немного смазанное очками, каштановые волосы и яркие голубые глаза. Как шиноби, он не безнадёжен. Но он будет слаб, если не придумает что-то со своим количеством чакры. Мадара поможет ему придумать. В память о брате.

— Ну-у-у... вы ужасный учитель, Шикогеру-сан, — серьезно потянул пацан, смотря в потолок. Мадара и Шикогеру лишь усмехнулись, узнавая своего подопечного. — К тому же, клановые техники мне в руки не попадут, так что и учить вам меня особо нечему.

— Мадаре тоже, — как бы невзначай заметил Нара.

— Техники Огня... — взгляд холодных, расчетливых детских-взрослых глаз упал на вздрогнувшего Учиху. — Не подходят. Шаринган — не подходит. Ката Учих — пролетает, но... Шаринган позволяет копировать техники. Сколько вы знаете техник Земли, Мадара-сама?

— Такое чувство, будто это не тебе предложили стать учеником Бога Шиноби, — проворчал Мадара, вставая. — Девять. Сама стихия получается у меня плохо. В любом случае — это больше, чем тебе может дать он, — кивок в сторону Шикогеру. — Уверен, я найду, чему тебя научить.

— Я согласен, Мадара-сама, — улыбнулся Сенсома, понимая, что выбора-то большого нет. — Но

жить-то я по прежнему буду здесь?

— Живи где хочешь, — хмыкнул Мадара и вышел из комнаты.

— Поддерживаю, — Шикогеру откинулся на пол. — Мой дом всегда открыт для тебя, Сенсома.

Учитель в теле мальчика улыбнулся. Наконец-то, к семи годам, начнется его настоящее обучение боям.

А там и до самих сражений недалеко...

На следующий день, Мадара повел своего новоиспеченного ученика... нет, не на тренировку. Для начала Учиха решил выяснить все о теле и разуме Сенсома у профессионалов, которыми являлись, так им нелюбимые, Узумаки. А единственная знакомая Узумаки Мадары, живущая в Конохе, находилась в резиденции Хокаге и являлась его женой.

— Мито расскажет тебе больше, чем Яманака, — объяснял он ученику, с любопытством осматривающему обстановку в доме главы деревни.

— Не знал, что вы ладите с Узумаки, — отозвался тот.

— Мы не ладим, — процедил Мадара, уже увидевший улыбающегося Хашираму и его жену, как всегда сохраняющую самое безобидное и милое лицо на свете, когда она видела главу Учих.

— Хей, Мадара, рад тебя видеть! — Сенджу сразу полез ручкаться с другом детства. — Не знал, что ты найдешь себе ученика! Да еще и так быстро! Да еще и... такого!

Восторг Бога Шиноби был столь силен, сколь сильна была безысходность на лице у его тезки по прозвищам. Впрочем, ради памяти о младшем брате, последний мог терпеть и не такое.

А, например, Мито...

— Рада, что ты зашел к нам, Мадара-чан, — мило улыбнулась бывшая Узумаки, сохраняя вселенский холод в глазах. — Дорогой, твой брат ждет, как и дела Хокаге. Доверь Мадару-чан мне.

— Хах, ладно, — простодушно улыбнулся жене Первый, в упор невидящий жажды крови, сгустившейся между этими двумя. — Удачной проверки! Не плошай, Сенсома-кун!

— Он поразительно слеп к ненависти своих близких, — констатировал факт мальчик, когда Хокаге ушел. — Но с людьми сходится быстро.

— О да, — Мито улыбнулась и ему, но уже с интересом в глазах. — Даже с такими дерьмовыми, как Мадара-чан. Что ты сделал, чтобы он выбрал тебя учеником? Убивал девственниц, используя конечности их родителей как дубинки?

— Он же ребенок! — вызверился, наконец, Мадара, чем вызвал нешуточное удивление у Узумаки.

— Заступился, — она притворно поднесла ладонь ко рту. — Мальчик, беги от него. Вполне возможно, что он захочет тебя... Кхм... Ты знаешь слово «секс»?

— Знаю, — рассмеялся учитель в детском теле, засчитывая женщине подкол. — Не бойтесь, я не убивал девственниц. Пока. Мадара-сама учит меня, потому что я пытался прикончить его брата, когда мне было два.

— Просто так? — скрыла изумление Узумаки.

— О нет, для начала они вырезали мою семью, — в тон ее подколкам издевался ребенок.

Причем Мадара так и не понял, издевался ли он над ним, или же просто отвечал Мито для защиты учителя? Впрочем, Изуна на его месте сделал бы что-то подобное. И еще записку с «пни меня» бы прикрепил.

Узумаки и Томура разговорились. Мито филигранно вырисовывала на теле ребенка фуин, тот филигранно вел с ней пикировку, а Мадара филигранно (хоть и кипя от злобы) старался не замечать ведра грязи, выливаемые «Мито-сан» на него. В конце концов, процедуры были окончены.

— Ладно, Сенсома-кун, пока подождите в доме, — Мито отряхнула руки. — Можете выйти на площадку, я вам разрешаю. Только постарайся не затоптать мои цветы. Мадара-то-чан понятно — этот вообще не в курсе, что есть слово «прекрасное», но ты-то меня понимаешь?

— Я очень сильно постараюсь не навредить вашим растениям и не дать Мадаре-саме сделать этого, — серьезно ответил ей мальчик, поправляя очки.

— Чудно. Ждите.

И она ушла, оставив их на пороге дома.

— Это так давно ведь, да? — спросил, как бы между делом, Сенсома, идя во внутренний двор, куда их пустила хозяйка.

— Я как-то отрезал ей... кхм... — Мадара покраснел.

— Да-да, учитель, — Сенсома ухмыльнулся и весь обратился в слух.

— В общем... в бою со мной, она однажды потеряла женскую атрибутику, — нашелся серьезный Учиха, явно переживая этот момент в голове.

— Переднюю, заднюю? — деловито уточнил его новоиспеченный ученик.

— Все, — сухо ответил Мадара тоном, ясно дающим понять, что разговор об этом окончен, и выдвинулся вперед.

«Площадка», как ее назвала Мито, оказалась большим полем с песком, по краям которого были рассажены какие-то растения. Сенсома даже узнал парочку цветов, но остальные были ему не знакомы. Повертевшись около одного из «незнакомцев», мальчик узнал, что песок есть лишь в середине двора, а по бокам лежит нормальный плодородный чернозем. Информация была такой себе по полезности, но хоть что-то.

— А где любимые цветы Мито-сама? — обернулся мальчик к учителю. Тот самозабвенно вытапывал какой-то кустик с россыпью синих маленьких цветков на фоне темных листьев, шипя себе что-то под нос. — А-а-а... Ну да, и впрямь красивые...

Через несколько минут, маленькая месть главы клана Учиха была окончена. Сенсома не

заблуждался насчет своего нового учителя — в обычной ситуации он бы накинулся на Узумаки с кулаками, но, во-первых — рядом был Хаширама, а во-вторых — видимо Мадара и правда решил сделать из перерожденного шиноби. Такой расклад его устраивал...

— Чем ты любишь заниматься в свободное время? — между делом спросил Сенсому Учиха, вытирая обувь о песок.

— Я люблю играть в шахматы, — загнул палец тот.

— Это что-то типа сеги? — выгнул бровь Мадара. — Неплохое увлечение, особенно для жизни у клана Нара. А что-то еще есть?

Мальчик впервые замялся и даже обернулся в пол оборота, явно стараясь скрыть свою неуверенность. Он снял очки и задумчиво перебирал пальцами по ним.

— Я люблю, — вздохнул он. — Только не смейтесь. Я люблю драться.

Легендарный Учиха, думавший, что малец никогда больше его не поразит, оказался поражен вновь. Конечно, его интерес к битвам намекал, но чтобы так, в открытую... Мадара даже на секунду активировал Вечный Мангеке Шаринган, в надежде увидеть чакру Изуны под умелым хенге, или, на худой конец, его реинкарнацию.

Увы, Шаринган ничего не показал.

— Эт-то... — он запнулся. — Это очень редкое увлечение...

— Считаете его ненормальным? — спокойно спросил Сенсома, явно привыкший к такому отношению.

— Ха, — Мадара усмехнулся и оскалился, хищно глядя на маленькую детскую фигурку.

— Давай проведем спарринг как учитель и ученик. Прямо тут. Ты ведь любишь танцевать?

— Не совсем понимаю о чем вы, — мальчишка вприпрыжку бросился к мужчине. — Но всеми руками «за»!

Богу Шиноби не пристало драться с семилетними детьми, которым даже до нормальных шиноби не дорасти, но Учихе было плевать на это. Именно здесь и сейчас раскроется потенциал Сенсома как бойца. И как тени его младшего брата...

Последнему из слабенького и малочисленного клана Томура было понятно, что выстоять против легендарного шиноби ему не суждено, но когда еще появится возможность схлестнуться с противником, которого ты просто ни за что не сможешь одолеть? Дети клановых шиноби и просто взрослые ребята не вызывали в нем больше радости. А вот Мадара Учиха на роль противника подходил идеально.

— Начинаем обучение, — размял шею учитель, активируя свой шаринган. — Проверка первая — тайдзюцу.

Шаринган дает пользователю заоблачные рефлекс, предугадывание движений, чтение техник и многое другое, но Мадара включил свои глаза лишь для того, чтобы было легче себя ослабить. Без них будет тяжелее поддаваться, ибо тренированное тело просто будет реагировать на внешний раздражитель и приложит мальчишку с первого удара. Чакрой тело напитывать тоже нет смысла.

Сенсома же, наоборот, напитал свое тело до предела, разгоняясь по всем параметрам. Сейчас он по силе может сравняться с обычным мужиком лет тридцати — самый пик силы обывателей. Не бог весть что для шиноби, но для человека из России двадцать первого века в семилетнем теле — ощутимый плюс.

Мальчик встал в стойку из муай-тай и подскочил к Мадаре. Тот был готов и легко парировал атаки ребенка, попутно нанося свои мелкие и обидные тычки, пинки и похлопывания по спине. Сенсома их терпел, не смея возмущаться, и методично атаковал противника с помощью рук и ног.

Спустя минуту, Мадара только разогрелся и стал терять интерес к ученику, и тот сменил стойку.

Удары из бокса привнесли динамики в их сражение, ибо теперь Сенсома больше передвигался, не утруждая себя ударами ног. Учиха скакал вокруг него, постепенно привыкая к новому стилю.

Карате до Мадары дошло быстрее, чем до этого бокс. С мощным выпадом ноги прямо в ухо темноволосому.

Нога была заблокирована, но ее хозяин и не думал останавливаться, прыгая второй и несильно, но ощутимо, ударяя ею по плечу учителя. Тот хмыкнул. Задел.

Спустя еще пять минут, перерожденный сменил все стойки, которые знал, и некоторые даже по два раза. Мадара стал скучать, а потому вовсю принялся «учить».

— Первое правило шиноби — не подставлять спину! — серьезно прогремел он, ловким ужом пропуская удар с правой и оказываясь в тылу. — Враг может в нее ударить!

Пинок под зад в полной мере раскрыл Сенсومه потенциал атак со спины.

— «Сейчас он спокоен», — холодно думал перерожденный. — «Расслаблен и думает, что я уже все показал. После каждой моей и своей атаки он подпрыгивает... Поправка — он подпрыгивает лишь при тех движениях, которые не достигли цели. Если я ударю наотмашь...» — мальчик пригнулся, после обманного движения, и крутанул мощную подножку, которая должна была сбить Учиху с ног. — «Он перепрыгнул атаку. Уворачивается в воздухе. Пока он подпрыгивает, я могу его подловить. В прыжке высоту уже не изменишь...»

Будто пробудив второе дыхание, мальчишка с хеканьем начал молотить мужчину кулаками, считая про себя прыжки, их высоту и длительность нахождения тела в воздухе.

Мадара уже хотел было остановить этот скучный танец, как малец неожиданно ускорился, во время его очередного подпрыгивания и схватил шиноби за ногу!

Хватка была настолько крепкой, что Учиха непроизвольно прогнал чакру по телу, вырывая конечность из захвата!

— Такой себе трофей, — Сенсома покачал перед своим носом левый сапог Бога Шиноби.

— Гордись, — рассмеялся Мадара. — Будь ты постарше, а этот бой — настоящим, и это могла бы быть вся моя нога!

После фразы улыбка тут же слетела с его лица, а голая нога собрала горку песка и швырнула в

Сенсому. Можно было и одетой, конечно, но с пальцами удобнее распылить песок по площади, чтобы было труднее увернуться.

Бывший учитель, как приверженец традиционных «вульгарных драк», часто задумывался о таком приеме, как песок в глаза, так что и способы противодействия имел... Самый сложный в исполнении, но и самый эффективный он и решил применить. Его сложность была в том, чтобы грамотно оценить противника до этого. Если бой только начался — этот ход бесполезен.

— «Он не ударит меня напрямую, это будет скучно», — думал перерожденный, смело закрывая глаза и шагая прямо на летящий песок. — «Со спины тоже уже как-то не очень... Из-под земли навряд ли. По бокам — скучно. Воздух...»

Мадара наблюдал, как смелый малый решил просто закрыть глаза. Потом он сделал большую глупость, просто ринувшись без зрения прямо к нему. Тогда Учиха решил поставить жирную точку на этом спарринге, тем более, что за ними уже кто-то наблюдает.

Мальчик неплохо себя показал, но уж удара сверху всем телом он не ожидает.

Когда Мадара почти приземлился на ребенка, тот внезапно пригнулся и сделал кувырок через себя, мгновенно разорвав дистанцию для того, чтобы через секунду метнуть песок прямо в лицо Учихе!

— «Он что, понял принцип Первого Томое?» — мелькнула быстрая мысль, а потом легендарный воин начал использовать стиль Второго Томое.

С этим у ребенка возникла проблема, да и запыхался он уже. Так что когда Мадара краем глаза увидел наблюдающего за ними Хашираму, он лишь крикнул, не отвлекаясь:

— Подожди немного, Хаширама!

Но юный Сенсома и тут удивил Учиху, мгновенно остановившись прямо посередине атаки противника, буквально всем телом подставляясь под сокрушительный удар ноги Бога Шиноби. Тот, конечно же, не дал ноге долететь.

— Можно заканчивать, я не против, — тяжело дыша сказал малец. — Вы победили меня, усовершенствовав стиль прямо в середине боя.

— Это всего лишь более продвинутая форма первого, — немного офигевшим голосом ответил Мадара. — Всего их три. С первым ты справился сам. Я такого никогда не видел...

— Хех. Наш бой еще не окончен, — усмехнулся Сенсома, явно намекая на «следующий раз».

— Надеюсь что так, — улыбнулся в ответ Учиха и повернулся к старому другу, деактивируя Шаринган. — Ну чего там?

Секунда! Тело Сенсомы было готово к этому движению, и именно ради него и задумывался трюк с остановкой боя, но ведь учитель сам сказал, что надеется на то, что бой не окончен! А первое правило шиноби...

— Не подставлять спину, верно? — спросил... Мадара, перехватив ногу ученика. — Отлично. Ты усвоил урок. Тебе бы удалось меня ударить, но ты открыл Шарингану свою первую хитрость. Ты ведь с самого начала боя двигался чуть медленнее возможного?

— Именно так, — уселся на песок кислый Сенсома. — Ваши глаза действительно сильны...

— Не будь у меня их, и ты бы победил, — серьезно кивнул Мадара и направился к Хокаге. Отойдя на достаточное расстояние, он пробурчал еле слышно. — Но ты рожден без них, и это единственное крупное отличие...

<http://tl.rulate.ru/book/56490/1441192>